

Иван Иванович Лажечников

Спасская лужайка

«Спасская лужайка» — одно из первых произведений И.И.Лажечникова.

Повесть напечатана в журнале «Аглая», кн. 3, ч. XIII. М., 1812.

Иван Иванович Лажечников

Спасская лужайка

Повесть

{Приключение истинное, случившееся в Польше и рассказанное мне моим приятелем, офицером русской службы, квартировавшим в тамошнем краю. Меня просили переменить место действия по причинам, которые не смел я. не уважить. — Л.}

Мы встретились в первый раз с родственником несчастного Леонса на Спасской лужайке. Не знаю, что влекло нас друг ко другу, — я почувствовал к нему какую-то взаимность; он полюбил меня!

Желтый лист падал на землю; серые тучи бежали по воздушному пространству, и скоро осень сказалась нам в унылом завывании ветров. Новый знакомец поверил мне в сие время тайны осиротевшего сердца, поверил только на гробе друга. После того недолго томился он сам в бедной юдоли нашей и отдал богу душу, которая уже более года тосковала по милом, незабвенном брате.

Я расскажу вам в нескольких словах историю любви несчастного его родственника; она занимательна для сердец чувствительных.

Леонс был в Петербурге, когда пришло к нему известие о смерти матери его. Всякий сын может поверить, как сразила его сия громовая весть. Потерять вместе и друга и наставницу, разрушить так скоро все милые мечты будущего, осиротеть в таких цветущих летах было бы слишком жестоким ударом для всякого холодного сердца; посудите же о состоянии Леонса, нежного, чувствительного сына! Приятели в утешение ему говорили об оставшемся отце; а сердце несчастного молодого человека отвечало им: Леонсу, быть сиротой вечно!..

Год прошумел уже свинцовыми крыльями над головою его, со времени как мать его скончалась; но милый, бледный образ ее все еще мечтался несчастному в туманном призраке; еще печальный гроб стоял в отдалении и томный голос анахоретов протягивался под мрачными сводами; еще не смел он, казалось, отнять губ своих от оледенелых уст бесцен-

ной! Искренность печали Леонсовой тронула его приятелей; они старались употребить тысячу способов на ее развлечение, тысячи путей искали к его сердцу, чтобы найти один, который мог бы возвратить его свету и рассудку. Ничто не имело своего действия — и Леонс, как и прежде, остался верен своей горести.

Вскоре случай призвал его в дом г-жи Т*; богатой вдовы и соседки его по деревням. Там сердце Леонса расцвело; там Леонс почувствовал цену жизни и узнал вторично, что существо наше красится только существом другого. Он увидел Агату, милую дочь новой знакомки своей, полюбил ее и был счастлив взаимностью. Агата до семнадцатой весны своей была жива, как поднебесная ласточка; но с самой минуты, когда показался Леонс, веселость невинных лет исчезла и место ее заступила кроткая унылость. Часто большие черные глаза ее с нежностью встречались со взорами молодого человека, старались убежать их и опять искали с ними встретиться. Везде находились они один для другого: во многолюдстве почитали себя только вдвоем; в уеди-

нении забывали о свете и его блестящих забавах. Г-жа Т*, *хотя семь люстров сочла в жизни своей*[1], была еще привязана к шумным удовольствиям и наблюдала со всею точностию приличия так называемого хорошего тона. Потому случалось нередко, что прекрасная дочь ее оставалась наедине с нашим Леонсом и старою своею теткою. Никакие тайны не были сокрыты друг от друга; упражнения, должности семейственные, забавы, труды — все было между ними в разделе; невинные любовники вели даже оба *в одном журнале*[2] происшествия жизни своей. Часто тетка заставляла их в ту самую минуту, когда рука Леонсова водила нежною рукою Агаты; всегда с добродушием вырывала у наших друзей поверенные листки и находила на них следующие замечания: «В такой-то день, в такой-то час я полюбил тебя. Мне верилось тогда, что матушка с Агатою снизслала мне душу свою в образе небесного жителя, и я, как добрый христианин, не отрекаюсь даже теперь от прежней веры своей». «Два сердца очень хорошо понимают друг друга, не говоря ни слова». «В девять часов вечера ходила я с

тетушкой на остров ***. Самый нежный пух
ложился рядами вокруг отлива догорающей
зари; скоро исчез и последний румянец, рас-
сыпались и последние снежные облачка! „Бо-
же! — подумала я, — мелькнут так и наши ра-
дости!.. Неужели самая любовь живет два
верных сердца на несколько минут; неужели
легкая тень несчастья может разорвать союз
их — и навеки! Боже! Не дай мне такой уча-
сти!.. Делить вместе и горе и наслаждение
или принять на устах друга последний вздох
любви и испустить на них же последний
вздох жизни... вот жребий, которому я всегда
завидовала!..“ С этою мечтою сцепились дру-
гие, столько же горестные. Они были прерва-
ны близкими шорохами, похожими на поход-
ку человека, желающего украсться. Я огляну-
лась и не видала никого. Несколько времени
спустя Леонс признался мне, что этот человек
был он сам, — признался, как он узнал меня и
в некотором расстоянии следовал за мною;
как он видел меня, вошедшую в нижнее жи-
лье богатого здания, где сокрывались несча-
стия и горести одного бедного семейства. Он
приметил, как проводил меня чувствитель-

ный сын больной Саары; как он из благодарности бросился к ногам моим. Я плакала и возвратилась домой с сердечным удовольствием, что двух существ могла сделать счастливыми. После того целые три дни не вижу моего Леонса, целые трое суток была я в страшном беспокойстве. Наконец он является ко мне с раскаянием и слезами и признается в своей ошибке, из которой ревность его строила было небылицу и сделала бы меня навсегда несчастною. Мы оба проливали слезы — и я простила ревнивца от всего сердца».

Таким образом протекали месяцы, и любовь их день ото дня получала новую силу. Агата не смела в ней открыться матери, потому что г-жа Т*, предприняв особенные для себя правила и приучив себя почитать дочь свою ребенком, положила тем самым между собою и ею большую преграду. Для того милая Агата была гораздо искреннее с доброю теткою и не таила от ней ни одного движения души своей. Что касается до последней, то она не теряла из виду любимой родственницы и, узнав чувствования добродетельного Леонса, обещалась при благосклонном случае погово-

ритель г-же Т* в их пользу.

Нынешний век изобрел новую любовь, называемую любовью для провождения времени. Началом ее было желание провести без скуки несколько часов и превратилось в побуждение среди занятий суетных находить занятие порочное. Поклонники ее многочисленны, считая все бездушные существа от мумии бесчувственного старика до учеников модного света. Леонс, молодой человек с умом, с чувствами, не мог не презирать сию новую любовь и для того сделал обет в сердце своем любить Агату единственно — до гроба!.. Увидим, не изменил ли он клятве своей.

Конец апреля согревался умеренным дыханием весны; ласточка прилетела на родимое гнездо и в надежде умножить семейство свое начинала устраивать для него покойную колыбель. В сие время, когда все дышит свободнее, когда все принимает новую жизнь, непостоянство нрава или некоторые затруднения по хозяйственным делам призывали г-жу Т* в подмосковную. Решено было ехать немедленно. Леонса короткою запискою уведомляли о горестном отъезде и просили не

покидать больную тетку, остававшуюся в городе; просили также не забывать печальную, осиротевшую Агату. Молодой человек был в отчаянии, плакал, целовал в восторге бесценные строки, ходил к доброй родственнице, говорил об Агате, возвращался домой, засыпал с мыслью об Агате и просыпался с тою же мыслью. Через несколько дней приносят на имя его другую записку в дом г-жи Т*. В ней заключалось только следующее: «Несмотря на трудность пути, на расстояние места, на новые огорчения и препятствия, не перестает думать о тебе верная по гроб

Агата».

Нельзя описать радости молодого человека. Слезы градом катились из глаз его; он стал на колени перед сестрою г-жи Т*, положил ее руки в свои, прижимал их к своему сердцу и расстался с нею не прежде полуночи.

Но радости мелькают в сем мире, как метеоры! Проходили недели, и в грудь нашего Леонса вкралась скука — собеседница разлуки; прошли месяцы, и он узнал, как тяжело быть разделену дальностию мест с любезным

нам существом. Воспоминания о прошедшем не имели уже для него тех живых красок, которыми любил он оттенять картину жизни своей; и самая надежда уже изредка улыбалась ему в будущем. Вы знаете, что неизвестность мучительнее самого несчастного опыта,— больно, очень больно любить, не зная, любят ли еще нас!.. Письмо от отца вывело его из глубокой задумчивости, в которую он был погружен с жестокой минуты горестного разлучения и в уединении и в кругу приятелей. Сим письмом призывали его немедленно в деревню. Леонс привык повиноваться. Он прощается с друзьями, которых добрая, чувствительная душа найдет и между холодных юрт лапландцев; прощается с мирными пенами хижины своей и отправляется в назначенный путь с каким-то неизвестным предчувствием.

Что растолковал ему опыт в сем предчувствии? Что ожидало Леонса в доме родительском? отгадаете ли?.. Объятия отца, нового супруга, приветствия мачехи и взор, печальный, угасающий взор Агаты!.. Леонс не хочет верить глазам своим, отказывается доверять

слуху; но Леонс не может не верить сердцу своему, никогда не лживому, никогда не выдающему обман за истину. Бледный, трепещущий, как приговоренный к смерти преступник, он принимает без всякого участия ласки отца и бывшей г-жи Т*, новой супруги его. «Братец!..» — сказала Агата, и слезы помешали ей говорить. Несчастный чувствовал слишком много значение этого слова, и действие, какое произвела над ним сия неожиданная сцена, было самое ужасное. Можно поставить себя на его месте! Если бы вы любили так истинно, так страстно, как любил Леонс; если бы та, которая составляла для вас все счастье в мире, с невинною душою, с любовью на глазах прижала вас к груди своей; вы слышали бы трепетание робкого сердца, принимали бы изменяющееся ее дыхание — и если бы в сию минуту грозная, сильная рука вырвала милую из объятий ваших и показала бы вам ее вдали, в цепях, без надежды соединения: скажите, что происходило бы тогда в душе вашей?.. Ах! Когда можно было бы не любить, кто велел бы нам, минутным пришельцам на сей непостоянной земле, кто ве-

лел бы нам предать сердце свое столь быстрым радостям любви? Через несколько часов оказались в Леонсе сильные признаки горячки. Во все время болезни его несчастная Агата не отходила от него ни на минуту, а когда советовали ей поберечь себя, она говорила: «С братцем умереть мне приятнее, нежели жить без него!..»

Сила искусства, попечения родства и, наконец, искренние молитвы любви возвратили Леонса к жизни; но что значит жить без надежды? — Быть мертвым, только не в гробе!.. Несчастный, выздоровев, не мог излечиться от страсти своей; напротив того, благодарность, присоединившись к ней в сердце, еще более раздула пламя ее. С своей стороны Агата не могла таить чувствований своих к молодому человеку.

Жилище несчастных любовников лежало на берегу Москвы-реки. На противной стороне закрывался небосклоном шумный сосновый бор, из которого протягивалась на немалое расстояние прямая аллея и примыкала к древнему саду с кладбищем. Спасская лужайка служила опушкою сему бору и кра-

силась лесочком, в котором дрожащие осины, сплетшись дружно с могучим вязом, образовали уединенный круг. Здесь в сумраке вечера бродил всякой день Леонс; сюда-то уносил он от взоров людей, равнодушных к его горестям, сюда-то уносил он страсть безнадежную. Часто заря заставляла слезы на глазах его; иногда под окнами милой Агаты слышимы были звуки любимой песни. Звуки были самые трогательные!.. Вот некоторые куплеты, удержанные в памяти его родственником:

*Судьбы определенье
Велит тебя забыть!..
Уже ли преступленья
Любезное любить?..*

*Что мнения людские?
Что света нам слова?
Природа нам святыне
Свои дала права.*

*Природа нам велела
Друг друга ввек любить:
Ужель она хотела
Преступников творить?*

*Товарищ сердцу верный,
О Спасский мирный луг!
Не здесь, в сей жизни бедной,
Но там живет мой дух.*

Нередко бури осенние заставляли его на Спасской лужайке; завывали ветры, сверкали молнии — и он, как бедный изгнанник из отеческого жилища, молил небеса сразить его последним ударом. Но небеса были глухи к мольбам и берегли его для новых страданий.

Вскоре отец заметил к Агате страсть его и спешил состроить план для ее разрушения. Беатусов, молодой сосед их, был принят в дом как человек богатый, обладающий несколькими винокуренными заводами, *несколькими стаями Дианиной прислуги*[3], как автомат, играющий довольно важную роль в модном свете, и, наконец, как жених Агаты. Ей предложили руку простодушного Беатусова. Власть, законы, страх — все было употреблено для вынуждения у нее согласия. «Даю руку, но не сердце!» — сказала она матери и почти решилась жертвовать всем жестокому долгу.

Ничто не утаилось от страстного Леонса;

он обо всем известен. Он хочет навсегда удалиться от милой Агаты, но прежде требует у нее свидания. Она должна прийти одна, без проводника, без помощи!.. Можно ли отказать последнее *прости* тому, для кого жили и хотели умереть?.. И где ж, в какое время назначено видеться? Боже! Что делает твое создание в исступлении страсти?.. Глухая полночь, осенняя непогода, волнующаяся река должны быть свидетелями последних клятв, последнего вздоха любви!.. Челнок и верный друг Агаты приняли ее у берега.

— Любишь ли ты еще меня? — спросил несчастный дрожащим голосом.

— Боже! Скажи ему, люблю ли я Леонса! — отвечала она и крепко прижалась к груди его.

Он трепетал, лихорадка струилась по его жилам.

— Милый друг! боишься ли ты смерти? — сказал он голосом исступления.

— Смерти? С тобою... Нет!

— До гроба — клятва наших сердец! Умрем вместе, когда мы не могли вместе жить!..

— Готова, мой друг!.. Навеки твоя!..

Чуть слышал он роковые *навеки*, чуть слышал, как она молилась в его объятиях... и имел еще силу оттолкнуть утлую ладью от берега, имел еще дух стать на один край ее... С этим движением челнок опрокинулся... легкий шорох... еще шорох... все утихло!.. Один гений преступления летал тогда над зыблющимся гробом несчастных любовников. Говорят, что он и поднесь на том же самом месте виден, в слезах молящим небо простить двум жертвам любви. На другой день нашли тела злополучных друзей, вместе плывущие над водами. Руки бедной Агаты оплелись вокруг Леонсова стана; черты лица на обоих выражали одну горесть и, казалось, упрекали людей в их жестокости. Лесок Спасской лужайки осенил их могилу. Дрожащие осины стонут и теперь над прахом их и напоминают бедному страннику о непостоянстве жизни, в которой судьба почти всегда ставит мрачный гроб подле цветущей розы и там, где мы надеялись улыбаться, велит проливать горькие слезы.

Примечания

... хотя семь люстров сочла в жизни своей...— то есть тридцать пять лет; *lustrum* — в Древнем Риме искупительное жертвоприношение, происходившее через каждые пять лет. В более позднее время употреблялось в значении «пяtilетие».

[^^^]

2

... в одном журнале...— здесь в значении «в одном дневнике».

[^^^]

3

...несколькими стаями Дианиной прислуги...—
то есть несколькими собачьими сворами, так
как в древнегреческой мифологии Диана счи-
талась покровительницей охоты.

[^^^]